

Источники

Архивные материалы

Источники, отражающие политику России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв., крайне многочисленны и разнообразны по жанру. Их описание и анализ могут служить темой самостоятельного обширного исследования. Специфика источниковой базы заключается в том, что источники в основном состоят из официальных материалов, комплексы которых, отложившиеся как в архивах различных ведомств, так и в личных бумагах, в значительной части дублируют друг друга. При этом в каждом крупном собрании бумаг находятся важные для темы исследования уникальные документы, которые отсутствуют в других местах. Это относится как к министерскому делопроизводству, так и к частным коллекциям документов. Наконец, в связи с существованием в России неофициальной дальневосточной политики, образовался целый корпус фондов личного происхождения, используя который только и можно проанализировать этот необычный процесс, так как по естественным причинам он не нашёл исчерпывающего отражения в официальном делопроизводстве.

Необходимо также отметить, что уже в момент образования документальных коллекций они использовались как орудие политической борьбы среди ряда крупных сановников либо как средство оправдания собственных действий (С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткин, В.М. Вонлярлярский и др.). Это послужило причиной создания нескольких частных собраний бумаг, на основе которых создавалась канва для оригинальной версии событий и обвинений оппонентов.

В такой ситуации колоссальное значение приобретает степень сохранности документальных коллекций, как официального происхождения, так и особенно личных. Лучше других сохранился, по-видимому, архив Министерства иностранных дел (АВПРИ). Но это касается только материалов центрального аппарата ведомства. Среди корреспонденции, находящейся в фонде канцелярии министра иностранных дел (Ф.133. Оп.470) присутствует переписка с посланниками в Сеуле и Пекине. Материалы, касающиеся дальневосточной политики, в большом количестве сосредоточены в Китайском столе (Ф.143. Оп.491, 3438 дел). Здесь и корпус депеш российского посланника в Пекине в Петербург с

начала 1890-х гг. (бумаги за 1880-е гг. содержится в Ф.161 (Санкт-Петербургский Главный архив. Оп.181/3 (V–Аз.)), и большая коллекция всеподданнейших докладов по Китаю, много консульских донесений, документов о борьбе разных стран за концессии и материалов о торговле. В Японском столе (Ф.150. Оп.493, 2058 дел) имеются сведения по политике России в Корее, о русско-японских переговорах по Корее (Д.183–201), большой корпус материалов по заключению Портсмутского мира (Д.619–629). Некоторое количество интересных документов отложилось в делах чиновника по дипломатической части приамурского генерал-губернатора (Ф.327. Оп.579) – в основном материалы по Маньчжурии и Корее. Значительно хуже уцелели документы дипломатических представительств России на Дальнем Востоке, особенно консульств в Китае, которых на рубеже веков насчитывалось около десятка. Часть из них утрачена, часть попала в руки эмигрантов и рассеялась по нескольким хранилищам русских бумаг за границей, преимущественно в США, часть, по-видимому, осталась в Китае. Эти материалы особенно важны для изучения торговли в регионе и степени проникновения русского капитала в Китай. Самые разные сведения содержатся в фонде миссии в Сеуле (Ф.191. Оп.768). Здесь много документов, связанных с получением концессий и развитием торговли.

Другой, базовый для исследования, архив Министерства финансов существенно пострадал. Часть его эвакуировалась из Петрограда в Москву в 1918 г., в том числе бумаги, касавшаяся КВЖД. С.Г. Беляев сообщил о пожаре, который произошёл в марте 1921 г. в здании Министерства финансов, где хранилась общая канцелярия министра¹. Но какой именно ущерб он нанёс бумагам, не известно. Тем не менее, состояние фонда Министерства финансов свидетельствует, что архив канцелярии министра, где была сосредоточена основная масса документов, относящихся к дальневосточной политике (РГИА. Ф.560. Оп.28, 29), пережил утраты. Это видно, в частности по наличию в современном фонде «сборных» описей, созданных из россыпи (Оп.43). Но некоторые группы материалов представлены весьма обильно. Это, к примеру, документы, касающиеся строительства Сибирской железной дороги. В основном они находятся в архивах Министерства финансов (Ф.560. Оп.27. 1874–1913 гг., 121 единица хранения) и Министерства путей сообщения (Ф.268. Оп.1, 3; Ф.265 (технический отдел Управления казённых железных дорог). Оп.2), где содержится многочисленная документация, касающаяся как технических вопросов сооружения магистрали (Ф.265. Оп.2. Д.617–621 – об изысканиях трассы Сибирской магистрали; Ф.268. Оп.3. Д.362–363, 423–430 – о сооружении Сибирской дороги, Д.536–540 – о строительстве Забайкальской дороги, Д.948–965 – об Амурской железной дороге и т.д.), так и отражающая деятельность раз-

¹ Беляев С.Г. Б.А. Романов – архивист // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С.58.

личных подготовительных комиссий и совещаний, и, наконец, сам ход строительных работ. Вопросы эксплуатации дороги отражены преимущественно в других фондах, в частности, в архиве Управления Сибирской железной дороги (Ф.441, 67 дел), содержащем материалы ревизий и борьбу с хищениями (Д.10, 21, 29 и др.). Важное значение имеют документы Комитета Сибирской дороги (РГИА. Ф.1273, 655 дел) – специального органа, призванного координировать все вопросы, касавшиеся сооружения магистрали, и наделённого невиданными для межведомственной структуры полномочиями. В частности, Комитет Сибирской железной дороги имел право подготовки и представления в Государственный совет законопроектов, что делало его власть реальной. Разумеется, в подавляющем большинстве ведомственные материалы, касающиеся истории Сибирской железной дороги, представляют собой техническую документацию и переписку с другими ведомствами по разным вопросам. Политические вопросы там затрагивались крайне мало².

Эту лакуну отчасти заполняют личные материалы. Самостоятельное значение имеют бумаги А.Н. Куломзина, управляющего делами Комитета Сибирской дороги, особенно – его обширные воспоминания, в которых много места уделено строительству Сибирской железной дороги (РГИА. Ф.1642). Кроме архива А.Н. Куломзина, планы сооружения Транссибирской магистрали находятся среди бумаг Е.В. Богдановича (ОР РГБ. Ф.58. Раздел I. К.39. №1, 2), а также вице-адмирала Н.В. Копытова, ещё в 1880-е годы выступившего с идеей спрямления Сибирской железной дороги через китайскую территорию (РГА ВМФ. Ф.12. Оп.1. Д.32, 33).

Иная ситуация сложилась с архивом КВЖД. Основная его часть долгое время (до 1945 г.) находилась в Харбине и неоднократно переживала существенные утраты. Слухи о том, что на КВЖД уничтожались многие документы, чтобы скрыть масштабные хищения, впервые появились в 1900 г. в связи с боксёрским восстанием. Обеспокоенный этим С.Ю. Витте назначил расследование, которое ничего не выявило (за исключением намерения одного инженера присвоить 260 тыс. руб.)³. Первый пожар в здании правления КВЖД произошёл 14 ноября 1905 г., после чего 28 ноября, 12 и 19 декабря служебные площади горели вновь. В итоге нетронутой огнём осталась лишь четвёртая часть здания. Сомнений, что это были поджоги, у современников не имелось: пламя уничтожило в основном бумаги, касавшиеся вопросов строительства магистрали, которые отражали в той или иной степени многочисленные злоупотребления и кражи. Совершенно не пострадали документы тех служб, где красть было практически нечего: пути, телегра-

² Подробнее см.: Борзунов В.Ф. Архивные материалы по истории строительства Сибирской железной дороги (1880–1905 гг.) // Исторический архив. 1960. №5. С.194–207.

³ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.194.

фа, сношения с китайскими властями, отчуждения земель, судоходства⁴. В 1917 г. в связи с ликвидацией полосы отчуждения опять пропало большое количество документов⁵. Наконец, после 1917 г. архив КВЖД оказался не вполне достигаем для Советской власти, лишь в 1945 г. советские войска захватили уцелевшие документы (ныне составляет фонд 323 РГИА). Несмотря на многочисленные утраты, в составе 13 описей этого фонда представлены самые разные материалы, в том числе протоколы заседаний правления КВЖД (Оп.1. Д.1–121, 1177–1180), бумаги, касающиеся строительства и эксплуатации дороги, о деятельности её администрации, об управлении в полосе отчуждения КВЖД, многие экономические вопросы Дальнего Востока (Маньчжурии, Кореи), личные дела нескольких тысяч сотрудников КВЖД (Оп. 9, 12, 13). Значительная часть документов попала в китайские архивы, где хранятся и поныне. Небольшие коллекции были вывезены эмигрантами, сейчас они разбросаны по разным странам. Например, бумаги начальника КВЖД Д.Л. Хорвата находятся ныне в Музее русской культуры в Сан-Франциско (США). Незначительная часть этих документов вернулась в СССР в 1945 г. в составе Пражского архива (ГАРФ. Ф.Р–6081, 183 дела).

В делопроизводстве Морского министерства (ныне – РГА ВМФ) основное значение имеет фонд Главного морского штаба (Ф.417), где сосредоточилась вся переписка по дальневосточным проблемам. Эти материалы наиболее полно представляют реакцию и планы руководства морского ведомства на дальневосточную политику, а также содержат весьма обильную информацию касательно желаний заполучить незамерзающий порт на тихоокеанском побережье для нужд военной эскадры.

В архиве Военного министерства (ныне – РГВИА) основная масса документов, касающихся дальневосточной политики России, сосредоточена в фонде Военно-учёного архива (Ф.846 – это материалы, переписка и донесения о Корее, Китае, в том числе Маньчжурии), в азиатской части Главного штаба (Ф.400 содержит дела, касающиеся в основном Квантуна и Маньчжурии), а также ряде коллекций (Ф.447 – Китай, где в частности отложились донесения военных агентов, Ф.448 – Корея). В РГВИА находится значительное количество небольших фондов с материалами в связи с пребыванием русских войск в Маньчжурии (1900–1904 гг.): Ф.14383 – управление военного комиссара Гиринской провинции, 173 дела; Ф.14378 – управление военного комиссара Мукденской провинции, 252 дела; Ф.14465 – управление военного комиссара

⁴ Шмуккер М.М. Финансы казённой сети железных дорог России в связи с бюджетом (1890–1913 гг.) и очерк «Восточно-Китайской железной дороги». Вольск, 1918. С.134–135; Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. Т.1. Харбин, 1923. С.340–350.

⁵ Нилус Е.Х. Указ. соч. С.XIV–XV.

ра Хейлунцзянской провинции, 21 дело. В РГВИА также отложились материалы по управлению Квантунским полуостровом (Ф.14370 – полевой штаб командующего войсками Квантунской области, 28 дел; Ф.14372 – штаб войск Квантунской области; Ф.16120 – управление заведующего инженерной частью Квантунской области, 198 дел; Ф.16212 – управление почты и телеграфа Маньчжурии и Квантуна, 163 дела). Эти бумаги ещё не привлекали внимания исследователей.

Ещё в начале XX века, во время работы специальной комиссии для составления истории русско-японской войны 1904–1905 гг., группа офицеров, над ней работавшая, была допущена к ознакомлению со многими архивными материалами. Над предысторией войны работал военный историк, тогда полковник П.Н. Симанский. Он не только написал три тома, но и скопировал значительную часть документов, показавшихся ему интересными. Подготовительные материалы к исследованию П.Н. Симанского сохранились (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.67–128). Они включают в себя копии большого количества бумаг преимущественно из архивов Военного министерства, МИД, а также Министерства финансов. Такой «архив копий» официальной переписки для начала XX века – большая редкость, учитывая то, что их сделал человек, не занимавший высших административных постов. Особую ценность его коллекции придаёт тот факт, что он сумел получить большое количество бумаг от А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского. Среди них оказался и сборник документов, освещающих планы создания Восточно-Азиатской компании (Д.112–113), который мне нигде более обнаружить не удалось⁶.

Среди фондов государственных учреждений материалы безобразовцев отложились преимущественно в архиве Особого комитета Дальнего Востока. Несмотря на то, что сам комитет так ни разу и не собрался, его канцелярия, возглавляемая А.М. Абазой, действовала почти два года, и от неё осталось немалое количество бумаг. Они, согласно распоряжению Николая II 8 июня 1905 г., были переданы в Собственную Его императорского величества канцелярию. Однако часть материалов «с высочайшего соизволения» осталась в руках А.М. Абазы: это были «дела, не относящиеся к деятельности Комитета Дальнего Востока и производившиеся в особом порядке»⁷. Надо полагать, что за этим эвфемизмом скрывалась частная переписка безобразовцев. Вероятно, что часть её оказалась после 1917 г. в фонде Царскосельского дворца (ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183–185, 187). Согласно составленному перечню, все материалы были поделены на два отдела. В первом находилась 121 папка, в основном – личные документы, а единицы хранения 108–118 значились как

⁶ Его характеристику см. в главе 9 «Безобразовцы: царская «неофициальная» политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.»

⁷ А.М. Абаза – О.Б. Рихтеру 18 августа 1905 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.4. Д.12234. Л.4.

секретные. Было ещё дело 119 в трёх частях, содержащее переписку безобразовцев с покойным В.К. Плеве⁸. Им очень заинтересовался О.Б. Рихтер, оно и было ему направлено, после чего назад не вернулось, а попало в архив канцелярии министра внутренних дел (РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759–761). Во второй отдел оказалось включено 36 дел, часть из них разошлась по подлежащим ведомствам⁹. Так, 60 документов, касавшихся концессии на р. Ялу, были переданы министру финансов В.Н. Коковцову¹⁰. Наконец, по завершении разбора бумаг была составлена ещё одна, третья опись дел, в которую вошли 54 единицы (преимущественно реестры и т.п.)¹¹. Материалы канцелярии Особого комитета Дальнего Востока использовались комиссией В.П. Череванского, призванного выявить виновников русско-японской войны. Оттуда они вернулись к А.М. Абазе и были препровождены им обратно в Собственную Его императорского величества канцелярию в виде двух ящиков с бумагами¹². По-видимому, именно из этих материалов состоит архивный фонд Особого комитета Дальнего Востока (РГИА. Ф.1337). При его изучении сразу бросаются в глаза значительные лакуны. Так, среди дел нет большинства всеподданнейших докладов А.М. Абазы, практически нет материалов за вторую половину 1904 – начало 1905 гг., когда контр-адмирал развил бурную деятельность по подготовке проектов переустройства Дальнего Востока после триумфального, как тогда им казалось, разгрома Японии.

Исключительное важное значение для изучения дальневосточной политики России рубежа XIX–XX веков имеют личные архивы непосредственных участников тех событий. От А.Н. Куропаткин (РГВИА. Ф.165) остался огромный и хорошо сохранившийся комплекс бумаг, насчитывающий ныне 5351 единицу хранения. Он содержит много переписки, связанной с дальневосточной политикой, различных записок, вообще материалов политического характера. Особый интерес представляют дневники А.Н. Куропаткина – его записные книжки под номерами, куда он записывал все важнейшие события, в том числе – разговоры с Николаем II, «тотчас же, после беседы, в одной из соседних с кабинетом государя комнат»¹³. Дневники военного министра составляют сейчас более двухсот единиц хранения. Они содержат пространные записи о самых разных событиях, сделанные чаще всего по их горячим следам. Помимо прочего генерал любил фиксировать свои разговоры

⁸ Там же. Л.20–24.

⁹ Там же. Л.8–9.

¹⁰ А.М. Абаза – О.Б. Рихтеру 5 октября 1905 г. // РГИА. Ф.1591. Оп. Т.XVI. Д.1. Л.28.

¹¹ РГИА. Ф.1409. Оп.4. Д.12233. Л.26–27.

¹² Там же. Л.29.

¹³ Симанский П. Дневник генерала Куропаткина (из моих воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. №11. С.79.

с другими сановниками. Первый их читатель ещё при жизни А.Н. Куропаткина – П.Н. Симанский – дал выразительную характеристику этому источнику: «дневник Куропаткина не представляет собой нечто монолитное, логически и хронологически переходящее из одной тетради в другую. Нет, параллельно главному руслу имеются и второстепенные рукава, сводящиеся к тому, что какое-либо из более крупных событий, в основном дневнике лишь бегло упомянутое, рассказано уже подробно в этих дополнительных тетрадях»¹⁴. К сожалению, до сих пор изданы лишь части этого ценного источника¹⁵. Тем не менее, дневник содержит массу важнейшей информации, которую трудно либо невозможно обнаружить в других источниках. На основании своих записей А.Н. Куропаткин составил текст, призванный осветить путь России к войне с Японией, он был опубликован в 1925 г. вместе с дневником покойного к тому времени Н.П. Линевича и в значительной степени противостоял версии, изложенной в мемуарах С.Ю. Витте¹⁶.

А.Н. Куропаткин использовал свой архив (особенно дневники) в разгоревшейся после русско-японской войны полемике о том, кто виноват в её развязывании. Например, он ответил на заметку С.Ю. Витте в «Новом времени» (1907. 9 декабря) по поводу г. Дальнего (это нашло отражение в переписке бывшего военного министра с П.Н. Симанским)¹⁷.

Другой хорошо сохранившийся личный фонд принадлежит Е.И. Алексееву (РГА ВМФ. Ф.32, 511 дел). Адмирал оправдываться не намеревался, поэтому специально материалы, касавшиеся Дальнего Востока, не собирал. Но благо-

¹⁴ Там же. С.80.

¹⁵ Значительная часть огромного дневника А.Н. Куропаткина была опубликована частями в советскую эпоху: Новые материалы о Гаагской мирной конференции, 1899 г. // Красный архив. 1932. №5/6. С.49–79 (с 28 февраля 1898 г. по 12 января 1899 г.); дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. №2. С.5–117 (записи с 17 ноября 1902 г. по 7 февраля 1904 г.) – издано отдельной брошюрой – Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. 140 с.; японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. Кн. VI. М., 1995. С.393–444 (с 27 мая по 1 июля 1903 г.); дневник А.Н. Куропаткина (с 14 февраля 1904 по 25 марта 1904 г.) // Красный архив. 1924. №5. С.82–101; дневник А.Н. Куропаткина (31 марта – 21 ноября 1905 г.) // Красный архив. 1935. №1 (68). С.101–126; из дневника А.Н. Куропаткина (с 23 октября по 23 декабря 1905 г. №27) // Красный архив. 1924. №7. С.55–69, 1925. №1 (8). С.70–100; выдержки из дневников за 1914–1915 гг. // Разложение армии в 1917 г. М.:Л., 1925; восстание в Средней Азии // Красный архив. 1929. №3 (34). С.39–94 (извлечения из дневника с 23 июля по 10 ноября 1916 г.); из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. №1 (20). С.56–77 (с 6 марта по 15 мая 1917 г.); дневник генерала А.Н. Куропаткина. 1917 год // Исторический архив. 1992. №1. С.159–172 (с 20 мая по 23 октября 1917 г.) и т.д.

¹⁶ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925.

¹⁷ А.Н. Куропаткин – П.Н. Симанскому 10 декабря 1907 г., 11 декабря 1907 г., 16 января 1911 г. // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.18. Л.84–85, 86–87, 88–89.

даря занимаемым им высоким постам главного начальника Квантунской области, а затем и заместника Дальнего Востока, у него сохранилось большое количество документов, имевших отношение к службе на восточной окраине (переписка с А.П. Извольским, Р.Р. Розеном, П.М. Лессаром, А.И. Павловым, В.Н. Ламздорфом, И.Я. Коростовцом, исполнявшем одно время должность его дипломатического чиновника, а также с безобразовцами). Сохранился его дневник (Д.11а–26, за 1890–1916 гг.), но он мало информативен. Выразительную характеристику бумаг, выходявших из-под пера адмирала, дал осведомлённый П.Н. Симанский: «когда ген.-ад. Алексеев ссылался на свои настояния, якобы невыполненные Петербургом, то всегда оказывалось, что эти настояния находились в конце документа, тонули в массе предшествовавшего им текста и излагались настолько нерельефно и в такой ненастойчивой форме, что, конечно, на них никто не мог обратить должного внимания»¹⁸.

Важное значение имеет большой личный фонд В.Н. Ламздорфа (ГАРФ. Ф.568, 1034 дела). Дипломат в течение многих лет составлял для себя своеобразные досье в виде копий документов по многим внешнеполитическим вопросам, в том числе и касающимся Дальнего Востока. В частности, это материалы по подготовке русско-китайского секретного договора (ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.126), переписка о занятии Порт-Артура (Д.127–128), переписка о Корее (Д.145, 177, 179), переговоры о сепаратном соглашении с Пекином в 1900–1904 гг. (Д.133–139), материалы по последним перед войной русско-японским переговорам (Д.180–182), переписка с некоторыми дипломатами. Значительный интерес для исследования представляет большой корпус писем С.Ю. Витте, до сих пор не опубликованных, во многих из которых затрагивались вопросы дальневосточной политики (Д.381). Хорошо известен дневник В.Н. Ламздорфа, все сохранившиеся тетради которого были опубликованы с купюрами, связанными с личной жизнью графа, в 1926–1991 гг. в трёх книгах¹⁹. Но дневник охватывает период со второй половины 1880-х гг. до 1896 г., когда его автор ещё не был министром. Между тем, за последующие годы сохранился не менее интересный и важный источник – записи всеподданнейших докладов В.Н. Ламздорфа, где он указывал, иногда – кратко, иногда – пространно – содержание разговора с царём и перечислял затронутые темы. В этом отношении записи сановника уникальны, так как в России не существовало практики стенографирования личных всеподданнейших докладов министров. Конспекты всеподданнейших докладов сохранились за 1897–1906 гг. (Д.58–67) и представляют собой важное дополнение к дневнику.

¹⁸ Симанский П. Указ. соч. С.75–76.

¹⁹ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890). М.:Л., 1926; Ламздорф В.Н. Дневник 1891–1892. М.:Л., 1934; Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991.

Архив С.Ю. Витте (РГИА. Ф.1622, 1033 дела), хотя и сохранился далеко не полностью, заслуживает отдельной и подробной характеристики из-за его специфики и репрезентативности для исследования дальневосточной политики России. Его хозяин очень рано, уже в 1900 г. начал активно подбирать документы, в том числе письменные свидетельства непосредственных участников событий для доказательства своей правоты. Например, он искал подтверждений своей борьбы против захвата Порт-Артура и Даляньваня в конце 1897 г.²⁰ Уже 14 июля 1900 г. С.Ю. Витте сообщил Д.С. Сипягину, что собрал все необходимые документы по Порт-Артуру для доказательства собственной непричастности²¹. У него собралось немалое по объёму досье: в описании архива сановника, сделанном при жизни владельца, значится дело № 22 («документы, касающиеся взятия Порт-Артура»), в составе которого насчитывалось 72 позиции (почти все – копии)²². Вряд ли министр финансов в 1900 г. задумывался над мемуарами, скорее это делалось для «битвы документов». Когда после смерти графа в феврале 1915 г. генерал-адъютант К.К. Максимович был послан забрать его бумаги, то выяснилось, что материалы личного архива тщательно систематизированы по отдельным вопросам, хранятся в виде папок, в том числе – по дальневосточной политике (дело №23 – «непосредственная безобразовщина», дело №24 – документы по Корее, дело № 26 содержало записки А.М. Абазы и В.М. Вонлярлярского, дело №21 – документы, касающиеся эвакуации Маньчжурии, дела №29, 31, 32 и 34 – материалы по заключению Портсмутского договора, дело №47 – переписку по поводу заявления, сделанного А.Н. Куропаткиным в 1909 г. о Портсмутском мире и т.д.)²³. После доклада К.К. Максимовича Николаю II все материалы, касающиеся дальневосточных проблем, были переданы либо в императорские библиотеки, либо в Министерство иностранных дел²⁴. Тем не менее, сопоставляя доклад К.К. Максимовича и сохранившуюся часть описания архива С.Ю. Витте (с его собственноручной правкой)²⁵, можно

²⁰ Н.В. Муравьев – С.Ю. Витте, июль 1900 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.171; П.П. Тыртов – С.Ю. Витте 7 июля 1900 г. // Там же. Д.168; Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 15 июля 1900 г. // Там же. Д.172; А.С. Долгорукий – С.Ю. Витте 5 января 1901 г. // РГИА. Ф.931. Оп.3. Д.177. Л.13.

²¹ Красный архив. 1926. №5 (18). С.35.

²² ГАРФ. Ф.6887. Оп.1. Д.175. Л.161–163.

²³ Можно предположить, что всего их было много больше ста, так как только изъятая после смерти графа часть насчитывала 80 папок (Витенберг Б.М. К истории личного архива С.Ю. Витте // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.XVII. Л., 1985. С.260).

²⁴ Опись бумаг и документов, принадлежащих графу С.Ю. Витте и находившихся в его квартире в Петрограде 12 марта 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.39 (224/2746). Д.2. Л.3–8; Витенберг Б.М. Указ. соч. С.248–260.

²⁵ ГАРФ. Ф.6887. Оп.1. Д.175. Л.154–165.

прийти к выводу, что в руках у генерал-адъютанта оказалась лишь часть бумаг графа. В составленном им перечне обнаруженных в доме на Каменноостровском проспекте и изъятых документов, например, совсем не значится дело №22 о Порт-Артуре. Сам К.К. Максимович сообщил царю, пославшего его за бумагами покойного: «В числе взятых дел имеется подробный список всех, находившихся у графа Витте документов. Большинство из указанных в этом списке документов оказалось налицо, но некоторых, из коих многие представляются особо интересными и важными, недостаёт, и в списке они обозначены как находящиеся за границею»²⁶. Здесь что-то не так. Либо у К.К. Максимовича оказался не весь перечень архива С.Ю. Витте, либо он почему-то не упомянул о значительной части бумаг в своём всеподданнейшем докладе. Первое кажется более вероятным. Недостачу царский посланец, по-видимому, списал на заграничное хранилище графских документов²⁷. К тому же его более всего интересовали мемуары графа, а не копии переписки по некоторым внешнеполитическим делам (хотя и это, очевидно, тоже, так как все материалы по Дальнему Востоку предназначались к изъятию). Можно предположить, что бумаги были скрыты от царского посланника, так как сейчас в личном фонде С.Ю. Витте в РГИА не менее полутора ста дел относятся к дальневосточной политике²⁸. В основном это документы, связанные с его деятельностью, и сочинения некоторых безобразовцев (в частности – В.М. Вонлярлярского). Большинство бумаг представляют собой копии, подлинники встречаются редко. Несмотря на многочисленность материалов, в них заметны изъяны. В общем, архив С.Ю. Витте по информативности сильно уступает, например, комплексам бумаг А.Н. Куропаткина, В.Н. Ламздорфа или Е.И. Алексеева.

С.Ю. Витте не скрывал, что собирает документальные источники о важнейших событиях на Дальнем Востоке и уже при жизни пустил свою коллекцию в дело. Так, осенью 1903 г. он представил обличительные материалы на безобразовцев К.П. Победоносцеву, который по достоинству оценил полученное: «Это летопись непонятного и небывалого у нас государственного безумия и чудовищного разделения власти и распоряжений! Помилуй Боже

²⁶ Всеподданнейший доклад К.К. Максимовича «Об оставшихся после кончины статс-секретаря графа Витте документах» [2 апреля 1915 г.] // РГИА. Ф.472. Оп.39 (224/2746). Д.2. Л.1. Резолюция Николая II: «Поступить согласно Вашим предположениям» 2 апреля 1915 г.

²⁷ Там действительно оказалось значительное количество документов, касающихся дальневосточной политики. Ныне они находятся в Колумбийском университете (см., например, многочисленные ссылки на эти материалы в кн.: Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924*. N.Y., 1996).

²⁸ Надо учитывать, что в советское время архивисты расшили оставшиеся «досье» графа, стараясь придерживаться принципа: один документ – одно дело.

от страшных последствий»²⁹. 30 октября 1903 г. экс-министр финансов ознакомил военного министра А.Н. Куропаткина с документами о концессии на р. Ялу и о выделении А.М. Безобразову 2 млн. руб.³⁰ Но это были уже запоздалые попытки оправдаться после отставки. Наученный горьким опытом, в будущем С.Ю. Витте только увеличил усилия, направленные на сбор бумаг. В 1905 г., сразу после назначения уполномоченным России на переговоры в Портсмут, он распорядился «снимать копии со всех решительно документов, отправляемых и получаемых телеграмм и т.п.: один экземпляр будет для дела, другой – для него лично»³¹.

В отличие от других сановников, С.Ю. Витте ещё находясь в должности министра, уделил много внимания составлению исторических справок нужного ему содержания, для которых использовался не только личный архив, как было в случае с «Прологом русско-японской войны», но и делопроизводство Министерства финансов. Так, вероятно, в 1899 г. он поручил чиновнику особых поручений при Департаменте железнодорожных дел Министерства финансов М.Г. Зельманову подготовить исторический очерк строительства Сибирской железной дороги и КВЖД. К 1900 г. М.Г. Зельманов сначала представил его проспект, который получил высокую оценку заказчика («Конспект составлен отлично»)³². С.Ю. Витте торопил, для ускорения работы М.Г. Зельманову был предложен помощник, ему открыли доступ ко всем журналам Комитета Сибирской железной дороги. Наконец, 7 августа 1901 г. чиновник передал рукопись своего сочинения П.М. Романову, затем она попала к С.Ю. Витте³³. Он оставил на полях правку и резолюцию: «Я желал бы прочесть в исправленном более объективном в отношении меня виде»³⁴. Переделанный согласно пожеланиям министра финансов текст появился в печатном виде под заглавием: «Историческая справка о сооружении Великого Сибирского железнодорожного пути» СПб., 1903. (97 с.). Примерно в это же время Д.Д. Покотилев работал над «Исторической справкой о важнейших для России событиях на Дальнем Востоке в трёхлетие 1898–1900 гг.» (СПб., 1902. 93 с.)³⁵. Её продолжение – «Историческая справка о важнейших для России событиях на Дальнем Вос-

²⁹ К.П. Победоносцев – С.Ю. Витте 23 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.694. Л.1.

³⁰ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.97. Запись 31 октября 1903 г.

³¹ Это С.Ю. Витте заявил Г.А. Плансону и К.Д. Набокову 1 июля 1905 г. вечером, после встречи с Николаем II (Дневник Г.А. Плансона. Запись 1 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.213. Л.26.

³² Записка С.Ю. Витте М.Г. Зельманову 21 января 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.249. Л.183.

³³ Там же. Л.232–406.

³⁴ Там же. Л.232.

³⁵ Издания носили ведомственный характер, поэтому сколько-нибудь широкого распространения не получили.

токе в четырёхлетие от 1900 г. до 1903 г.», издано не было, оно сохранилось лишь в виде машинописного текста³⁶. Основное внимание в нём уделено безобразовцам и их деятельности. По-видимому, мы имеем дело с первым вариантом «Пролога русско-японской войны».

Однако документальный компромат собирал не только С.Ю. Витте, но и его противники. Так, известный дворянский деятель Н.А. Павлов весной 1905 г. располагал документами, якобы дававшими основания для серьёзных обвинений в адрес председателя Комитета министров. В апреле 1905 г. эти бумаги попросил у Н.А. Павлова Д.Ф. Трепов, чтобы «спустить» С.Ю. Витте. Н.А. Павлов выполнил просьбу и после этого уехал за границу. Вернувшись в мае 1905 г. он обнаружил, что С.Ю. Витте не тронули. Хозяин компромата возмутился и опубликовал в «Московских ведомостях» громовую статью против бывшего министра. С.Ю. Витте через И.И. Колышко попросил с ним встречи. Н.А. Павлов, посоветовавшись с Д.Ф. Треповым, согласился, после чего четыре дня подряд имел продолжительные беседы с С.Ю. Витте, каждый раз по два часа (по-видимому, в особняке на Каменноостровском проспекте)³⁷. Про них Н.А. Павлов «как-то таинственно, загадочно говорил, <...> что он теперь Витте держит в руках, что у него есть такие документы против Витте, что теперь можно его свалить, что эти документы сам Витте ему дал, что это и есть те документы, которыми он держит в руках царя, который боится их обнародования». Но сановник напрасно пытался перевербовать «дворянина Павлова» в свои сторонники. Н.А. Павлов с согласия Д.Ф. Трепова предполагал представить всё это Николаю II, чтобы он решился, наконец, «спасти Россию и себя от Витте»³⁸. Здесь далеко не всё понятно, но вероятно, что документы эти касались деятельности безобразовцев. Однако встреча с царём по-видимому не состоялась. Н.А. Павлов уехал в деревню, вернувшись, он встретился с Д.Ф. Треповым, который ему сказал, что С.Ю. Витте «пользуется полным доверием царя». Это была явная неправда, сказанная, очевидно, для того, чтобы остановить интригу. Скорее всего, сам её замысел исходил от безобразовцев, а недалёкий и к тому же некомпетентный Н.А. Павлов просто играл роль их орудия. Д.Ф. Трепов, сначала поддержавший идею, затем, видимо, сообразил, какой удар он нанесёт царю. Поэтому он и сдал назад. Н.А. Павлов подчинился, но потребовал свои документы назад, ему вернули лишь часть, а главные Д.Ф. Трепов якобы передал для расследования О.Б. Рихтеру и В.П. Череванскому³⁹.

³⁶ Там же. Л.1–131.

³⁷ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С.372–373. Запись 23 февраля 1906 г.

³⁸ Там же. С.345–346. Запись 6 мая 1905 г.

³⁹ Там же. С.373. Запись 23 февраля 1906 г.

Если судить по официальным бумагам комиссии, никаких материалов Н.А. Павлова от Д.Ф. Трепова они не получали.

Часть бумаг С.Ю. Витте, в том числе и рукопись его мемуаров, которые он хранил за границей, находятся ныне в Колумбийском университете. Часть материалов осталась в семье, ими, к примеру, пользовался М. Энден в начале 1960-х гг. при написании большой работы о С.Ю. Витте⁴⁰. Кое-что оказалось в других руках. Э. Диллон в воспоминаниях сообщил, что у него в распоряжении была переписка С.Ю. Витте, касающаяся порсмутских переговоров, в том числе письма М. Гэли (M. Galy) и Т. Хаяши февраля 1905 г.⁴¹ Конечно, министр финансов дал эти материалы с очевидным расчётом – чтобы его версия переговоров и заключения мира появилась через известного журналиста в западной печати. Содержание мемуаров Э. Диллона не оставляет сомнений в том, что многие обстоятельства этих событий были известны ему именно со слов или в версии С.Ю. Витте (в частности, о том, что поездку С.Ю. Витте в Японию в 1902 г. якобы отклонил Николай II, о том, что сановника посылали в Портсмут в расчёте на неудачу и т.п.)⁴².

К сожалению, личные фонды других участников разработки и осуществления дальневосточной политики, которые содержали бы обильную информацию по проблеме, отсутствуют. Ни от Н.К. Гирса, ни от А.Б. Лобанова-Ростовского, ни от М.Н. Муравьёва не осталось значительного количества бумаг. Документы М.Н. Муравьёва в АВПРИ объединены в небольшой фонд из нескольких десятков единиц хранения и содержат лишь некоторое количество личной переписки (Ф.340. Оп.806). Ещё меньше материалов сохранилось после Н.К. Гирса (Ф.340. Оп.803) – всего 19 дел. Документов по Дальнему Востоку среди них нет вообще. Бесплезно искать их и в двух личных фондах А.Б. Лобанова-Ростовского (АВПРИ. Ф.340. Оп.805, 54 дела; ГАРФ. Ф.978, 51 дело).

Чуть лучше дело обстоит с материалами дипломатов более низкого ранга. В личном фонде И.Я. Коростовца (АВПРИ. Ф.340. Оп.839) находятся преимущественно его объёмные воспоминания, касающиеся деятельности автора на Дальнем Востоке. Они пока опубликованы лишь частично (Международная жизнь. 1994. №4. С.113–122; 1994. №9. С.136–144, а также в вышедшем в Торонто журнале «Россияне в Азии»). В частично сохранившихся бумагах Р.Р. Розена (РГИА. Ф.1038, 144 дела; ОР РНБ. Ф.647, 116 дел) представлена его личная переписка, в том числе с коллегами-дипломатами, служившими в Японии и Китае. Бумаги А.П. Извольского в АВПРИ (Ф.340. Оп.835, 59 дел) содержат лишь небольшую, но интересную часть его переписки за время службы посланником в Токио. Более обширный фонд А.П. Извольского

⁴⁰ Энден М.Н. Граф С.Ю. Витте // Возрождение (Париж). 1971, октябрь. №236. С.82.

⁴¹ Dillon E.J. The eclipse of Russia. N.Y., 1918. P.297.

⁴² Там же.

в ГАРФ (Ф.559, 84 дела) состоит из бумаг, начиная с 1906 г. Много материалов о дипломатии заместителя Е.И. Алексеева, в том числе по переговорам с Японией и с Китаем в 1903–1904 гг., находится в фонде его дипломатического чиновника Г.А. Плансона (ГАРФ. Ф.818, 269 дел). Среди них – его дневник (Д.211–213), большая часть которого была опубликована в 1930 г.⁴³ Там также отложились некоторые материалы в связи с Портсмутской конференцией (Г.А. Плансон входил в состав русской делегации). В частности – так и не увидевший свет пространный отчет дипломата о ходе переговоров. Большой личный архив остался после П.А. Дмитриевского, долгое время служившего консулом России в Китае и Корее (ГАРФ. Ф.918, 24 дела; СПб филиал Института востоковедения РАН. Ф.14, 365 дел). В его составе – часть дневников за время службы в Корее и многочисленная переписка, но в основном лично-бытового содержания. В бумагах сотрудника Министерства финансов Д.М. Позднеева (ОР РНБ. Ф.590. 196 дел) сохранилось несколько копийных книг его переписки по делам Русско-Китайского банка (Д.112–117), а также его дневник за 1903–1906 гг. (Д.12). Д.М. Позднеев тщательно копировал свою корреспонденцию с Д.Д. Покотиловым, объясняя это так: «Когда-либо нужно будет подобрать документы для доказательства мысли, что Покотил: во-1-х, никогда не принимает на себя ответственности, во-2-х, не дает инструкций по существу дела, во-3-х, когда их дает, то в лужу»⁴⁴. Бумаги самого Д.Д. Покотилова были, по-видимому, переданы после его кончины в 1908 г. в Пекине в Министерство финансов, где и были рассыпаны среди дел канцелярии министра (Ф.560. Оп.29).

К сожалению, список лакун получается куда обширнее. В небольшом личном фонде Н.Г. Гартвига (АВПРИ) нет никаких бумаг по Крайнему Востоку, несмотря на то, что он был незадолго до русско-японской войны директором Азиатского департамента МИД. Совсем чуть-чуть материалов в связи со службой в Токио осталось в архиве М.А. Хитрово (ОР ИРЛИ. Ф.325), тем не менее, они представляют значительный интерес. По-видимому, канули в лету документы А.П. Кассини, скончавшегося во Франции в 1917 г., его коллеги по Пекину А.И. Павлова, служившего затем посланником в Сеуле, П.М. Лессара, умершего в Пекине в 1905 г., военного агента в Китае К.И. Вогака. Их частные архивы, сохранились они, могли бы пролить хотя бы частично свет на многие вопросы, которые невозможно исследовать исключительно по официальной документации. Например, на предысторию русско-китайского договора 1896 г. или на отношения между российскими дипломатами в регионе и разницу в их мнениях по различным вопросам и т.д.

⁴³ В штабе адм[ирала] Е.И. Алексеева. (Из дневника Е.А. Плансона) // Красный архив. 1930. №4/5 (41/42). С.148–204.

⁴⁴ Дневник Д.М. Позднеева. Запись 28 января 1903 г. // ОР РНБ. Ф.590. Оп.1. №12. Л.22.

Немалое значение имеют небольшие и разрозненные коллекции материалов, отложившиеся в фондах различных государственных деятелей, так или иначе оказавшихся связанных с дальневосточной политикой. Конечно, их не могло не оказаться в бумагах последнего российского императора. В личном архиве Николая II (ГАРФ. Ф.601) имеются некоторые всеподданнейшие доклады С.Ю. Витте (Д.688), записки А.М. Абазы о русских предприятиях в Корее (Д.529, 718), материалы, касающиеся деятельности П.А. Бадмаева (Д.700, 792, 833, 1370), документы о политике России в Корее и о последних русско-японских переговорах (Д.514, 720, 2421, 2422) и др. Часть аналогичных бумаг находилась в библиотеке Царскосельского дворца (ГАРФ. Ф.543). Это, например, некоторые записки А.М. Безобразова общеполитического характера (Д.12), письма Э.Э. Ухтомского (Д.171, 173), различные тексты по вопросам дальневосточной политики (Д.170, 173, 176–179, 180). Большинству этих материалов следовало бы лежать в ведомственных архивах, они лишь по стечению обстоятельств попали в императорские библиотеки. В личном фонде Ф.В. Дубасова (РГА ВМФ. Ф.9, 1156 дел), одно время командовавшим Тихоокеанской эскадрой, есть некоторое количество материалов по Дальнему Востоку (в основном в связи с поиском незамерзающего порта в Корее, занятием Порт-Артура и организацией управления Ляодунским полуостровом).

Лишь частично сохранились документы, отражающие деятельность безобразовской группы. Бумаги А.М. Безобразова, скончавшегося в эмиграции в Париже, в России остались лишь фрагментарно (РГИА. Ф.648, 122 дела). Ещё находясь на родине, он писал воспоминания, но мне удалось обнаружить лишь несколько страниц черновика, где речь шла об эпохе «Святой дружины»⁴⁵. Были ли они завершены и сохранились ли – неизвестно. Целиком канули в лету личные архивы Н.Г. Матюнина, умершего в 1907 г. в Петербурге, А.М. Абазы, скончавшегося в 1915 г.

Из всех безобразовцев в России сохранилась лишь часть большого когда-то архива В.М. Вонлярлярского (основную массу бумаг он тайно вывез в Берлин в первой половине 1920-х гг. при помощи немецких дипломатов, куда затем в 1925 г. открыто выехал и сам)⁴⁶. Судя по всему, его архив погиб в годы Второй мировой войны (сам В.М. Вонлярлярский умер в 1940 г., успев опубликовать свои воспоминания и не успев – подготовленный им сборник документов по дальневосточной политике – «Затемнённая страница русской истории»)⁴⁷. Представление об архиве В.М. Вонлярлярского можно также составить из диссертации Ф. фон Штайнмана, который был допущен владельцем к своей

⁴⁵ РГИА. Ф.648. Оп.1. Д.123.

⁴⁶ Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания 1852–1939 гг. Берлин, [1939]. С.242, 250.

⁴⁷ Там же. С.241. Он пользовался для подготовки «Затемнённой страницы русской истории» статьями Б.А. Романова.

документальной коллекции⁴⁸. Судя по всему, он был хорошо систематизирован по типу досье (как и архив С.Ю. Витте). Оставшиеся же в России бумаги составили небольшой фамильный фонд в РГИА. (Ф.917, 252 дела), где материалы самого В.М. Вонлярлярского представлены примерно десятком единиц хранения. Среди них – машинописные экземпляры его отчёта об экспедиции в Северную Корею, «Материалы для выяснения причин войны с Японией» (Д.4,5,7, существующие, впрочем, не в одном экземпляре и имеющиеся и в других фондах), а также документы по уголовному делу о подлоге завещания князя Б. Огинского (Д.6) и некоторые деловые бумаги. Они же (исключая деловые бумаги) попали в личный фонд близкого друга В.М. Вонлярлярского С.А. Панчулидзева (РГИА. Ф.1652. Оп.1. Д.96–100). По-видимому, В.М. Вонлярлярский таким образом заботился об их сохранности, так как сам С.А. Панчулидзева никакого отношения к безобразовской аванюре не имел. Некоторые документы, связанные с В.М. Вонлярлярским и Н.Г. Матюниным отложились среди бумаг ещё одного друга детства – Н.В. Минина (Архив СПб ИИ РАН. Ф.195, 128 дел). Но они крайне фрагментарны, дальневосточных дел почти не касаются (можно упомянуть лишь письма Н.Г. Матюнина – пограничного комиссара с Дальнего Востока и его записку о Корее 1891 г.).

Большое значение для изучения деятельности безобразовцев имеют бумаги их покровителей. В частности – архив графа И.И. Воронцова-Дашкова. Он весьма велик, поделён примерно на две равные части, одна из которых находится в РГБ (Ф.58, 5996 дел), другая – в РГИА (Ф.919, 5381 дело). Среди прочего у графа отложились некоторые записки А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского (Ф.919. Оп.2. Д.599, 603), письма А.М. Безобразова (Ф.919. Оп.2. Д.1371; Ф.58. Раздел I. Папка 6. №2). Нельзя сказать, что они имеют большое значение для исследования дальневосточной политики России, но благодаря хорошей сохранности фонда в целом можно найти немало интересных деталей (в частности, ранние письма А.М. Безобразова).

К сожалению, обратная ситуация сложилась с документами другого покровителя безобразовцев – великого князя Александра Михайловича. Они сохранились лишь фрагментарно. Несмотря на то, что в личном фонде царского дяди насчитывается 800 единиц хранения (ГАРФ. Ф.645), лишь несколько из них касаются вопроса усиления дальневосточной эскадры (Д.19, 729). В дневниковых записях Александра Михайловича за 1897, 1899–1902 гг. (Ф.645. Оп.1. Д.8–12) существенной информации совсем мало.

В составе семейного архива Балашёвых (РГИА. Ф.892, 3080 дел) отложились частично и материалы И.П. Балашёва, безобразовского «ястреба», управлявшего в 1903 г. их лесопромышленным предприятием на р. Ялу.

⁴⁸ Steinmann F. Ruslands Politik im Fernen Osten und der Staatssekretar Bezobrazov. Leipzig, 1931.

Правда, их количество весьма скромно. В частности, это копии некоторых записок А.М. Безобразова (Ф.892. Оп.3. Д.119, 126, 123) и незначительная часть переписки самого И.П. Балашёва. Он, правда, оставил обширные воспоминания, часть которых посвящена его деятельности на Дальнем Востоке. Но они составлялись без документов, содержат в основном общие рассуждения (Архив СПбИИ РАН. Ф.115. Оп.1. №1167).

От других людей, так или иначе сопричастных к дальневосточным делам рубежа XIX–XX вв., документов о них осталось ещё меньше. Казалось бы, у князя Э.Э. Ухтомского, много лет интересовавшегося Востоком, долгое время возглавлявшего правление Русско-Китайского банка, должны бы сохраниться следы его деятельности. Тем более, что бумаги князя уцелели в немалом количестве и оказались распределены между несколькими архивами (РГИА. Ф.1072, 646 дел; ОР ИРЛИ. Ф.314, 264 дела; ОР РНБ. Ф.1167, 79 дел; РГАЛИ. Ф.2140, 9 дел). Удивительно, но материалов, связанных с его деятельностью на Востоке, среди них почти нет. Куда они исчезли – загадка.

То же самое можно сказать и про архив известного журналиста С.Н. Сыромятникова, участника посольства князя Э.Э.Ухтомского в Пекин в первой половине 1897 г. и безобразовской экспедиции в Корею 1898 г. Он сохранился далеко не полностью (ОР ИРЛИ. Ф.655, 113 дел; РГАЛИ. Ф.1757, 9 дел), но от самого хозяина известно, что у него имелись материалы по Дальнему Востоку. В 1932 г. В.Д. Бонч-Бруевич предложил С.Н. Сыромятникову приобрести его архив для Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики⁴⁹. Хозяин был готов продать имеющиеся у него документы, касающиеся безобразовского предприятия на р. Ялу, музею⁵⁰, но сделка по каким-то причинам не состоялась. Уже после смерти С.Н. Сыромятникова В.Д. Бонч-Бруевич повторил своё предложение его наследникам⁵¹. Дальнейшая судьба этих материалов мне неизвестна. У ныне здравствующих родственников из бумаг предка не осталось практически ничего (единственное исключение – путевой дневник по Персидскому заливу 1900–1901 гг.)⁵². Среди бумаг С.Н. Сыромятникова, находящихся сейчас в ОР ИРЛИ и РГАЛИ, документы по Дальнему Востоку почти не присутствуют, а связанных с безобразовцами нет совсем. Складывается ощущение, что чей-то внимательный глаз тщательно изучил содержимое архива публициста на предмет наличия подобных материалов.

⁴⁹ ОР РГБ. Ф.369. К.209. №21.

⁵⁰ С.Н. Сыромятников – В.Д. Бонч-Бруевичу 5 января 1933 г. // Там же. К.347. №18. Л.18.

⁵¹ Там же. К.209. №21.

⁵² Сыромятников В.Д. «Странные» путешествия и командировки «Сигмь» (1897...1916 гг.). СПб., 2004.

Схожая судьба постигла «Воспоминания писателя» С.Н. Сыромятникова. Работал он над ними, по-видимому, с 1924 г.⁵³ Для их составления он интересовался исследованиями (в частности, Б.А. Романова), а также некоторыми дневниками (И.Я. Коростовца и др.)⁵⁴. Мемуары состояли из пяти частей (три из них к 1927 г. были уже написаны) и были посвящены в основном дальневосточным путешествиям автора: «много довольно о Китае, но больше о Корее и обо всех лицах, действовавших в 1897–1899 на Дальнем Востоке»⁵⁵. С.Н. Сыромятников намеревался привести сведения, дополняющие книгу Б.А. Романова «Россия в Маньчжурии»⁵⁶. Завершил он их не позднее 1930 г., текст «Воспоминаний писателя» был напечатан на машинке, вероятно, в нескольких экземплярах (автор давал читать его Н.А. Энгельгардту), имел немалый объём (не менее 200 страниц). Журналист предложил рукопись для публикации В.Д. Бонч-Бруевичу. Однако директор Государственного Литературного музея дал ей низкую оценку и согласился напечатать лишь некоторые её фрагменты⁵⁷. Но публикация не состоялась, а отрывок, касающийся А.И. Ульянова, с которым В.Д. Бонч-Бруевич намеревался ознакомить Н.К. Крупскую и М.И. Ульянову, остался в его бумагах⁵⁸. Кроме этого, от «Воспоминаний писателя» уцелели небольшие рукописные фрагменты, относящиеся к 1880-м гг.⁵⁹ Где находится сейчас полный текст воспоминаний С.Н. Сыромятникова и сохранился ли он вообще – мне неизвестно.

Немного осталось и от бумаг П.А. Бадмаева. Часть его архива попала в ГАРФ (после того как она побывала в руках следователей Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г.) и образовала небольшой фонд (Ф.713, 71 дело). Самые интересные документы были опубликованы в 1925 г. В.П. Семенниковым⁶⁰. Совсем недавно в ЦГИА СПб также появился маленький личный фонд П.А. Бадмаева из бумаг, переданных из архива Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (Ф.2300, 23 дела). Большинство полученных документов имеют отношение к его имуществу и судебному процессу о его наследстве (Д.18). Но есть и некоторые материалы

⁵³ «А с 24-го будет центральное отопление, и я примусь за мемуары» (С.Н. Сыромятников – В.М. Алексею 13 октября 1924 г. // СПб филиал архива РАН. Ф. 820. Оп.3. Д.759. Л.45).

⁵⁴ С.Н. Сыромятников – П.Е. Щёголеву 20 декабря 1924 г. // ОР ИМЛИ. Ф.28. Оп.3. №.442.

⁵⁵ С.Н. Сыромятников – В.М. Алексею 14 января 1927 г. // СПб филиал архива РАН. Ф.820. Оп.3. Д.759. Л.72.

⁵⁶ С.Н. Сыромятников – В.Д. Бонч-Бруевичу 17 апреля 1930 г. // ОГ РГБ. Ф.369. К.347. №18. Л.1–2.

⁵⁷ Рецензия В.Д. Бонч-Бруевича на рукопись С.Н. Сыромятникова «Воспоминания писателя» // Там же. К.58. №63.

⁵⁸ Сыромятников С.Н. Из воспоминаний // Там же. К.407. №10. Л.1–27.

⁵⁹ ОР ИРЛИ. Ф.655. Оп.1. №113.

⁶⁰ За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925.

о деятельности торгового дома «П.А. Бадмаев и К^о», о планировавшихся им железных дорогах в Китае (Д.2, 4, 7, 11) и т.д. Кое-что из документов «доктора тибетской медицины» осталось на руках у родственников, но, судя по всему, лишь те, что касались его медицинской практики⁶¹.

Опубликованные источники

Среди опубликованных источников важное место занимают итоги различных обследований дальневосточных территорий, предпринимавшиеся в конце XIX – начале XX в. Конечно, это специфический источник, так как политические сюжеты там, как правило, не представлены прямо. Но по направлениям подобных изысканий, степени их интенсивности и времени проведения можно сделать немало любопытных выводов относительно дальне восточной политики России в целом.

В частности, после ввода русских войск в Маньчжурию в 1900 г. приказом по Приамурскому военному округу №666 было объявлено «высочайшее разрешение» произвести военно-статистическое описание Гиринской и Хэйлунцзянской провинций Китая (то есть, Северной Маньчжурии)⁶². Предполагалось сделать подробное описание территории, превосходящей по размеру многие европейские государства, с помощью 14 партий специалистов (каждая должна была состоять из четырёх человек: начальник (как правило, офицер Генерального штаба), топограф и два строевых офицера). Каждой группе предстояло описать одно фудутунство (аналог российского уезда). Работу предполагалось провести по той же схеме, по какой в Министерстве финансов было издано в 1897 г. «Описание Маньчжурии» (его автор – Д.М. Позднеев). Сроки для выполнения задания отводились минимальные: партиям следовало отправиться в путь 20 февраля 1901 г., к 15 октября 1901 г. им надлежало завершить полевою работу, а к 15 декабря 1901 г. – подготовить сводные описания провинций. Однако на деле партии стартовали в разное время в 1901–1902 гг., соответственно их отчёты были получены позднее, поэтому к составлению общего свода приступили лишь в середине мая 1903 г. На основании семи отчётов по Гиринской провинции и пяти – Хэйлунцзянской (остались неохвачены Хайларское фудутунство и восточный Айгун) был опубликован свод данных по

⁶¹ Гусев Б. Мой дед Жамсаран Бадмаев // Доктор Бадмаев: тибетская медицина, царский двор, советская власть. М., 1995. С.94, 97–98.

⁶² Косвенно такая работа свидетельствовала о намерениях власти: вряд ли стоило бы проводить доскональное топографическое описание местности, которую Россия планировала оставить в ближайшие месяцы. Разумеется, из этого нельзя делать вывода о непременном захвате Маньчжурии, но к этому явно готовились – вот о чём говорят усилия военных топографов.

Гиринской провинции⁶³. Результаты же работ партий по фудутунствам также увидели свет ещё до появления обобщающей книги⁶⁴. Их издали в Хабаровске в серии «Материалы по военно-статистическому описанию Маньчжурии» в 1902–1903 гг. Это настолько редкие издания, что РНБ, к примеру, располагает лишь 2 книгами из 14, попавшими в её фонды в 1960-е гг., а в РГБ и БАН их нет вообще. Путевые заметки выходили также и отдельными изданиями⁶⁵. В принципе они ничем не отличаются от «сериалов».

Аналогичные наблюдения, только за более длинный период, можно сделать, анализируя записки Военно-топографического управления Главного штаба. Если в 1893–1895 гг. военные топографы работали преимущественно в русском Забайкалье и Амурской области⁶⁶, то в 1896 г. они переключились на Маньчжурию⁶⁷. 15 октября 1900 г. начальник Приамурского военно-топографического

⁶³ Цихович, подполковник Генерального штаба. Военный обзор Гиринской провинции в Северной Маньчжурии. СПб., 1904. С.1–2. Была ли одновременно издана обобщающая работа по Хэйлунцзянской провинции – мне неизвестно. Но позднее такая книга появилась (Доброловский И.А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Краткий очерк географии, путей сообщения, населения, администрации и экономического положения. Харбин, 1906).

⁶⁴ Богаевский. Сан-синское фудутунство. Хабаровск, 1903; Богданов [А.Ф.] Ансехинское фудутунство. Т.1–2 (Ч.1–3). Хабаровск, 1902; Дуров П. Цицикарское фудутунство. Хабаровск, 1903; Зигель. Гириновое фудутунство. Хабаровск, 1903; Ижицкий. Мергенское фудутунство. Хабаровск, 1902; Карликов К. Нингутинское фудутунство. Хабаровск, 1903; Лисовский. Гириновое фудутунство. Хабаровск, 1903; Лишин. Хунчунское фудутунство. Хабаровск, 1903; Люпов [С.Н.], капитан. Хуланское фудутунство Хэй-лун-цзянской провинции. Ч.1–2. Хабаровск, 1903; Мельгунов. Бутхасское фудутунство. Хабаровск, 1903; Тихменев. Чань-чунь-фу и фудутунство Бодунэ-Хайлар. Хабаровск, 1903; Щедрин. Айгунское фудутунство (западная часть). Хабаровск, 1903.

⁶⁵ Свиягин Н.С. По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингуты. Впечатления и наблюдения. СПб., 1897; [Вейль Э.] Южно-Сунгарийский район. Разведка Генерального штаба капитана Э. Вейль в 1897–1898 году. Ч.1. Краткий военно-статистический очерк. Хабаровск, 1899; Самойлов [В.К.] Описание занятой нами территории на Ляодунском полуострове. СПб., 1899; ([Звегинцов А.И.] Северная Корея. Сборник описаний позиций. СПб., 1901; Звегинцов А.И. Описание Жёлтого и Японского морей и Корейского пролива как районов военных действий. СПб., 1904; Корф Н.А., Звегинцов А.И. Военное обозрение Северной Кореи. СПб., 1904 и др.

⁶⁶ Поляновский М.П. Астрономические определения в Амурской области в 1895 г.; Щеткин Н.О. Астрономические определения в Забайкальской области, произведённые в 1893 и 1894 гг.; он же. Астрономические определения в Забайкальской области, произведённые в 1895 г. // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. 1897. Часть LIV. Отд. 2. С.10–18; 19–46, 47–75.

⁶⁷ Поляновский М.П. Астрономически наблюдения в Восточной Маньчжурии, исполненные в 1896 г.; Щеткин Н.О. Астрономические наблюдения, исполненные в Забайкальской области и в Маньчжурии вдоль проектировавшегося направления Сибирской

отдела М.П. Поляновский представил рапорт о необходимости съёмки поверхности Северной Маньчжурии в 1901 г. (127 тыс. кв. вёрст), для чего требовалось 115 топографов и геодезистов и 600 тыс. руб. Однако в Петербурге план М.П. Поляновского принят не был, вместо сплошной топографической съёмки решили усилить состав «описных партий фудутунств»⁶⁸.

Богатый фактический материал содержат различные местные, дальневосточные издания⁶⁹. Они касаются не только географии. Например, в публикациях местного биржевого комитета можно найти интересные сведения о положении дел в экономике региона⁷⁰.

Большое значение имеют подборки бумаг, опубликованные в «Красном архиве» в 1920–1930-е гг., которых насчитывается несколько десятков. Особенно это касается материалов, раскрывающих политику Петербурга на окраине с середины 1890-х гг. до 1904 г.⁷¹ Конечно, в них невозможно было представить даже основные документы, тем не менее, многие важные свидетельства впервые увидели свет. В частности, это журналы Особых совещаний 26 апреля 1888 г., 9 августа 1894 г., 20 января 1895 г., 25 января 1903 г.⁷² Официальная переписка дипломатов и сановников касалась отношения России к японо-китайской войне 1894–1895 гг., подготовки договора о КВЖД. К сожалению, А.Л. Попов, подобравший эти документы и подготовивший обширную вводную статью (С.34–54), в которой попытался дать общую характеристику внешней политики самодержавия, обозначил лишь общее место нахождения публикуемых им документов (АВПРИ, Китайский стол). Лишь по отмеченным в издании пометам на них (автографы Александра III, Николая II) можно догадаться, что это подлинники. Кроме того, из дел Японского стола АВПРИ

железной дороги и проведённые в 1896 г. // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. 1898. Часть LV. Отд.2. С.115–123; 124–149.

⁶⁸ Алексеев Я. Предисловие // Записки Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба. Часть LXXII. Отдел 1 и 2. Пг., 1918. С.I–II.

⁶⁹ Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856–1898 гг. Очерк. СПб., 1900; Обзор Приморской области за 1890–1896 гг. Владивосток, 1897; Обзор Приморской области за 1901 г. Владивосток, 1904; Обзор Приморской области за 1902 г. Владивосток, 1905; Справочная книга г. Владивостока. Владивосток, 1900 и др.

⁷⁰ Первый съезд представителей дальневосточных биржевых комитетов 11–15 июня 1914 года во Владивостоке. Владивосток, 1915.

⁷¹ Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.). Подготовил к печати А.Л. Попов // Красный архив. 1932. №3 (52). С.34–124; Из эпохи японо-китайской войны 1894–95 гг. Подготовили к печати Б.Г. Вебер и С.Р. Димант // Красный архив. 1932. №1–2 (50–51). С.3–63; Накануне русско-японской войны. (Декабрь 1900 г. – январь 1902 г.). Подготовил к печати И. Ерухимович // Красный архив. 1934. №2 (63). С.3–54.

⁷² Красный архив. 1932. №3. С.54–61, 62–67, 67–74, 110–124.

была обнародована переписка российского МИДа и некоторые всеподданнейшие доклады в связи с японо-китайской войной 1894–1895 гг. (всего 109 документов). Важное значение имеет подборка документов, касающихся занятия Германией Киао-Чао и реакция на это России (45 документов, часть из них представлена в извлечениях)⁷³. К сожалению, в ней, как и в большинстве других случаев, никак не обозначены критерии отбора документов и точное их нахождение. Одна из публикаций посвящена русско-японским отношениям в 1901 г. после того, как Россия заняла Маньчжурию (это в основном переписка А.П. Извольского – всего 41 документ). Подготовивший её И.И. Ерухимович также весьма глухо заметил, что подлинники хранятся в Архиве внешней политики (С.7), ограничившись вводной статьёй к ним общеисторического содержания (С.3–7). Исключение в этом отношении составила публикация Б.А. Романова «Портсмут», в сопроводительной статье к которой историк дал точные сноски на использованные дела⁷⁴. Важно, что в большинстве случаев документы печатались без купюр. Кроме того, специалисты, их готовившие, могли весьма откровенно выражать свои взгляды, пока в 1920-е – первой половине 1930-х гг. существовал курс на разоблачение царской политики, что давало возможность отбирать наиболее яркие и откровенные свидетельства её «антинародной сущности», не стесняясь в комментариях.

Некоторое количество документов, важных для изучения дальневосточной политики России, появилось в различных сборниках. В частности, материалы из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица, опубликованные в 1925 г., сопровождалась приложением из ряда писем (9) и записок (5) А.М. Безобразова Николаю II, 3 писем его же В.Н. Ламздорфу, 3 писем А.М. Абазы царю и нескольких материалов А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица⁷⁵. К сожалению, никакого археографического предисловия к изданию предпослано не было. Б.А. Романов к своей большой статье «Лихунчагский фонд» приложил текст всеподданнейшего доклада С.Ю. Витте «О предприятиях Общества Китайской Восточной железной дороги» 14 марта 1903 г. и справку о выдачах из «лихунчагского фонда» до 1914 г.⁷⁶

Активная работа по обнародованию документов дальневосточной политики России рубежа XIX–XX вв. прервалась в 1930-х гг., она получила продолжение лишь в 2006 г. В.В. Глушков и К.Е. Черевко подготовили и издали большой том материалов из архива дипломатического ведомства, касающихся

⁷³ Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.19–63. Она подготовлена Ф.А. Ротштейном.

⁷⁴ Красный архив. 1924. №6. С.5.

⁷⁵ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.131–179.

⁷⁶ Борьба классов. 1924. №1/2. С.117–126.

русско-японской войны 1904–1905 гг.⁷⁷ Основное место в нём заняли бумаги периода войны. Однако составитель первой части книги В.В. Глушков первую главу (С.12–88) посвятил «преддверию» конфликта, а точнее – некоторым фактам дальневосточной политики России 1895–1904 гг. В ней представлен 141 документ, к сожалению, исключительно в выдержках. Публикатор никак не оговорил принципы составления своей подборки, но вся она сделана только по материалам Китайского стола АВПРИ. Непонятно, чем диктовалась такая избирательность, тем более, что другие фонды этого архива, не говоря уже об иных хранилищах, содержат большое количество не менее интересных и важных для темы документов.

Уровень археографической подготовки издания находится ниже всякой критики и по многим параметрам уступает публикациям 1920–1930-х гг. Это распространяется даже на титулы: в ряде случаев автор не смог дать грамотные заголовки использованным им бумагам⁷⁸. Отрывки документов расположены в хронологическом порядке, без всякой группировки по проблемам. Помещённые рядом цитаты чаще всего никак не связаны между собой по смыслу, во многих из них содержатся отсылки к другим материалам, не нашедшим никакого отражения в книге. Сам отбор выдержек оставляет много вопросов. Зачем, например, помещать куски сопроводительных писем, не несущих практически никакой существенной информации? (см., например, документ №27). Или – краткие телеграммы дипломатов о ходе боевых действий, которые сильно уступают в подробности и точности военной корреспонденции? Особенно странно – публиковать в выдержках журналы Особых совещаний (кстати, часть их уже появилась **полностью** в 1930-е гг. на страницах «Красного архива», что, по-видимому, осталось неизвестным составителю) – исключительно важных и без того весьма лапидарных текстов. Комментарии, помещённые после главы (С.89–151), значительно отстают от выдержек из документов. В них повествуется много о чём, но они совершенно не объединяют разрозненные цитаты и мало проясняют их содержание. Значительная часть комментариев – это биографические справки, часто – излишне подробные. Вызывает изумление список литературы, который В.В. Глушков использовал для пояснений. В нём представлены не только такие «специальсты» в дальневосточной тематике как С.С. Ольденбург, А.А. Керсновский, И.Л. Бунич и др., но и авторы художественных (!) произведений – Р. Мас-си, Э.С. Радзинский и В.С. Пикуль.

⁷⁷ Глушков В.В., Черевко К.Е. Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М., 2006.

⁷⁸ Например, журнал Особого совещания 14 ноября 1897 г. назван «резюме» (такого жанра официальное делопроизводство в России тогда не знало) (С.19) и др.

В целом, следует признать, что В.В. Глушков взялся за непосильное для себя дело, так как он не обладает необходимой квалификацией для подготовки документальных публикаций. Его принципы исключают возможность использовать приведённые тексты для дальнейших исследований – а это и есть важнейшая задача научных изданий. В качестве хрестоматии для массового читателя этот набор цитат также не годится, так как он не способен дать внятное представление о дальневосточной политике империи рубежа XIX–XX столетий, а комментарии никак не улучшают эту картину. Прочитав главу, можно сделать лишь один вывод – надо обращаться в архив к самому массиву документов.

Эта нелестная характеристика совершенно не касается второй части книги о Портсмутской мирной конференции, подготовленной известным специалистом по истории русско-японских отношений К.Е. Черевко. Он впервые опубликовал на русском языке **полный** текст протоколов конференции (ранее они были напечатаны на английском и французском языках). Единственное замечание касается комментариев – они слишком кратки и посвящены большей частью вопросам о Курильских островах и Сахалине.

Кроме официальных материалов за минувшее с начала русско-японской войны столетие увидели свет и некоторые документы личного происхождения. Прежде всего, это мемуары и дневники. Последние печатались как правило, со значительными купюрами либо частями, причём пропуски в тексте не оговаривались. Пример такого рода – записи Г.А. Плансона, опубликованные А.Л. Поповым⁷⁹. То, что дневник представлен не полностью, можно узнать лишь сопоставив упоминание о двух тетрадях с записями «за период 1904–1905 гг.» и публикацию, в которой текст обрывается 2 ноября 1904 г. Для читателя остаётся также неясным принцип, по которому из текста удалялись его части: далеко не всегда это были личные либо бытовые записи, не представлявшие интереса в политическом отношении. В общем, это не только упрек публикаторам и издательской культуре того времени, сколько констатация грустного факта: по большому счёту, все издания 1920–1930-х гг. нуждаются в сверке с оригиналом (там, где это возможно).

Впрочем, иногда дневники публиковались целиком, но это были счастливые исключения. Один из таких примеров – дневник И.Я. Коростовца, секретаря русской делегации, о переговорах в Портсмуте, опубликованный сначала в «Былом», а затем – отдельным изданием⁸⁰.

⁷⁹ В штабе адм[ирала] Е.И. Алексеева. (Из дневника Е.А. Плансона) // Красный архив. 1930. №4/5 (41/42). С.148–204.

⁸⁰ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.177–220; 1918. №2 (30). С.110–146; 1918. №3 (31). С.58–85; 1918. Книга 6. №12. С.154–182; Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в

Важным, хотя и не первостепенным источником для исследования явились воспоминания. Условно их можно разделить на две группы. Первая – это мемуары людей о Дальнем Востоке. Помимо ярких бытовых зарисовок их отличает высокая степень достоверности и критичности, особенно в бытовом плане⁸¹. Они позволяют точнее понять многие обстоятельства и ярко оттеняют сведения официальных источников. Очень интересны воспоминания русских людей, живших или бывавших в Китае или в Маньчжурии. Они также весьма выразительны и рассказывают о многих явлениях и событиях глазами русских, но с «той» стороны⁸². Пример таких мемуаров – это записки врача В.В. Корсакова о его жизни в Китае, написанные хорошим литературным языком⁸³. Но по части политики там содержится лишь случайная и фрагментарная информация.

В отдельную группу следует выделить мемуарные свидетельства тех, кто непосредственно участвовал в политике или близко наблюдал её. Они, как правило, носят совершенно иной характер: автор составлял их, прежде всего, чтобы объяснить свои действия и оправдаться, обвинив в ошибках или даже очернив других. Яркий пример таких мемуаров – воспоминания С.Ю. Витте. Имея под рукой обширный архив, он постарался представить свою дальневосточную политику как всегда правильную, найдя причины русско-японской войны в ошибочных действиях М.Н. Муравьёва, А.Н. Куропаткина, Е.И. Алексеева и безобразовцев⁸⁴. Антиподом С.Ю. Витте стал один из лидеров безобразовской группы В.М. Вонлярлярский, который с большим опозда-

Портсмуте в 1905 г. Дневник И.Я. Коростовец, секретаря графа Витте. Пекин, 1923 (два издания). А.Л. Попов планировал издать в «Красном архиве» также значительный по объёму отчёт Г.А. Плансона о Портсмутской конференции, но эта публикация почему-то не состоялась (Мендельсон В.И. А.Л. Попов – историк внешней политики России и международных отношений // История и историки. Историографический ежегодник 1971. М., 1973. С.261).

⁸¹ Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска (путевой дневник). Томск, 1901 и др.

⁸² Хвостов А. Русский Китай // Вестник Европы. 1902. №10. С.653–696, №11. С.181–208; Тиреер. Порт-Аргур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. №1. С.179–194; №2. С.225–232; №3. С.187–200; Кулаев И.В. Под счастливой звездой (воспоминания). Тяньцзин, 1938 и др.

⁸³ Корсаков В.В. В старом Пекине. СПб., 1904; он же. В проснувшемся Китае. Дневник – хроника русской жизни перед войной. 1902–1903. М., 1911.

⁸⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1–2; Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. Критике мемуаров С.Ю. Витте посвящён ряд работ Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина (Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994; они же. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; они же. С.Ю. Витте и издательская деятельность «безобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып.4. Л., 1989. С.59–78).

нием, в 1939 г. опубликовал свои воспоминания, где главную вину за конфликт с Японией взвалил на С.Ю. Витте⁸⁵. Естественно, к таким мемуарным свидетельствам следует относиться с большой осторожностью.

К сожалению, немногочисленны оказались записки дипломатов. Прежде всего, надо отметить очень интересные воспоминания И.Я. Коростовца, долгое время служившего на Дальнем Востоке (в Пекине, Порт-Артуре, Урге)⁸⁶. Они написаны в эмиграции, имеют весьма значительный объём, опубликованы лишь частично. Щедрый на различные сочинения «дважды» посланник в Японии Р.Р. Розен, покинув Россию, издал свои мемуары в двух томах на английском языке⁸⁷. Они составлялись дипломатом без привлечения документов. Да и авторский стиль предполагал не рассказ о жизни и местах службы, а в большей степени о встречах и международных проблемах. Дальневосточным делам в них уделено немного места. Книга Р.Р. Розена читается без особого интереса, его служебные материалы содержат куда больше важных сведений. Ещё один дипломат – Ю.Я. Соловьёв, служивший в Пекине в 1895–1898 гг. секретарём миссии, опубликовал книгу воспоминаний в Советской России⁸⁸. Очень живо написанные, они рассказывают о жизни и людях русской миссии в Китае при А.П. Кассини.

Остались в рукописи значительные по объёму мемуары начальника штаба Квантунской области перед русско-японской войной В.Е. Флуга⁸⁹. Они также составлялись в эмиграции, в 1929 г., исключительно по памяти, поэтому содержат в основном бытовые зарисовки и запомнившиеся эпизоды службы.

Зарубежные публикации источников

Если исключить китайские и японские источники, для использования которых требуется знание соответствующих языков (за редкими исключениями), то доступных материалов остаётся очень немного. В первую очередь, надо упомянуть многотомную японскую публикацию дипломатических документов конца XIX – начала XX вв. «Ниппон гайко буншо», изданную большей частью в 1950-х гг., где часть корреспонденции, передаваемая по телеграфу, составлялась на английском языке (вероятно, это было связано с шифровкой

⁸⁵ Вонлярлярский В.М. Указ. соч.

⁸⁶ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922; [он же]. Накануне... 90 лет назад началась русско-японская война (записки русского дипломата) // Международная жизнь. 1994. №4. С.113–122; он же. После Портсмутского мира // Международная жизнь. 1994. №9. С.136–144. Его воспоминания о Монголии также опубликованы в нескольких номерах журнала «Россияне в Азии», издававшегося в Торонто.

⁸⁷ Rosen, baron. Forty Years of Diplomacy. Vol.I–II. L.:N.Y., 1922.

⁸⁸ Соловьёв Ю.Я. 25 лет моей дипломатической службы (1893–1918). М., 1928; он же. Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959.

⁸⁹ ГАРФ. Ф.6683. Оп.1. Д.1в–5 – до русско-японской войны.

телеграмм). Известный интерес представляет японская Белая книга, предъявленная депутатам японского парламента уже в марте 1904 г., в которой представлены некоторые материалы по переговорам с Россией в 1903–1904 гг. Они публиковались, разумеется, выборочно, с целью оправдать развязывание войны и возложить ответственность за провал переговоров на русскую сторону. В 1905 г. она была переведена с английского на русский язык и опубликована безобразовцами в России вместе с английской Синей книгой, посвящённой переговорам о выводе русских войск из Маньчжурии в 1901–1904 гг.⁹⁰

Для исследования русской дальневосточной политики определённое значение имеют мемуары Т. Хаяши, служившего посланником в Пекине, Петербурге и Лондоне и стоявшим за подготовкой англо-японского союза 1902 г.⁹¹ К сожалению, основное место в них уделено именно службе автора в Британии. К тому же они отражают, в первую очередь, желание дипломата изобразить удобную для себя версию событий. В 1913 г. в Лондоне увидели свет так называемые «воспоминания» Ли Хунчжана⁹². «Так называемые» – потому что автор вёл дневниковые записи на китайском языке, после его кончины в конце 1901 г. родственники предоставили их для перевода и публикации. Составители весьма вольно обошлись с текстом, поэтому английская версия «воспоминаний» содержит много неточностей и по жанру скорее ближе к их художественному пересказу, чем к историческому источнику. Конечно, относиться к ним следует с удвоенной осторожностью. Однако и без того книга отражает в основном личные эмоциональные впечатления китайского сановника. Его поездке в Петербург и Москву на коронацию Николая II в 1896 г. посвящена отдельная глава, но она не добавляет ничего нового к уже известным деталям переговоров⁹³.

⁹⁰ Русский перевод английской Синей книги «Переписка о русской оккупации Маньчжурии Нью-чжуана» за время 1901–1904 гг.; русский перевод с английского языка японской Белой книги «Переписка о русско-японских переговорах 1903–1904 гг.» с параллельным французским текстом // Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905. С.1–230 (вторая пагинация).

⁹¹ [Хаяши Т.] Записки графа Хаяси об англо-японском союзе // Известия МИД. 1913. Кн.5. С.312–337; *The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi*. Edited by A.M. Pooley. N.Y.:L., 1915.

⁹² *Memoirs of the viceroy Li Hung Chang*. L., 1913.

⁹³ *Ibid.* P.128–142.